

БИБЛИОТЕКА И. ГОРБУНОВА ПОСАДОВА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

0 5
10 37

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

Х. АНДЕРСЕНА

въ переводѣ съ датскаго А. и П. ГАНЗЕНЪ.

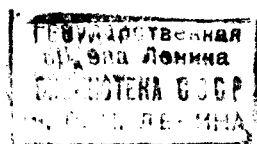
Съ иллюстраціями Н. И. ЖИВАГО.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о.
ПИМЕНОВСКАЯ УЛИЦА, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
МОСКВА — 1906.

52342

Дозволено цензурою. Москва, 25-го января 1906 года.

Далеко-далеко, въ той странѣ, куда улетаютъ отъ насъ на зиму ласточки, жилъ король; у него было одиннадцать сыновей и одна дочка Элиза. Одиннадцать братьевъ-принцевъ уже ходили въ школу; писали они на золотыхъ доскахъ алмазными грифелями и отлично умѣли читать,—хоть по книжкѣ, хоть наизусть—все равно. Сразу было слышно, что читаютъ настоящіе принцы! Сестрица ихъ Элиза сидѣла на скамеечкѣ изъ зеркальнаго стекла и рассматривала книжку съ картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось дѣтямъ, только не долго!

Отецъ ихъ, король той страны, женился на злой королевѣ, которая не взлюбила бѣдныхъ дѣтокъ. Имъ пришлось испытать это въ первый же день: во дворецъ шло такое веселье, и дѣти затѣяли игру въ гости, но мачеха, вмѣсто разныхъ пирожныхъ и печеныхъ яблокъ для угощенья, дала имъ чайную чашку песку и сказала, что они могутъ представить себѣ, будто это угощеніе.

Черезъ недѣлю она отдала сестрицу Элизу на воспитаніе въ деревню, къ какимъ-то крестьянамъ, а прошло еще нѣсколько времени, и она успѣла столько насказать королю о бѣдныхъ принцахъ, что онъ не хотѣлъ больше и видѣть ихъ.

— Летите-ка по добру, по здорову на всѣ четыре стороны!—сказала злая королева.—Летите большими птицами безъ голоса и промышляйте о себѣ сами! Но она не могла сдѣлать имъ такого

зла, какъ бы ей хотѣлось,—они превратились въ одиннадцать прелестныхъ дикихъ лебедей, съ крикомъ вылетѣли изъ дворцовыхъ оконъ и понеслись надъ парками и лѣсами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, гдѣ спала еще крѣпкимъ сномъ ихъ сестрица Элиза. Они принялись летать надъ крышей, вытягивали свои гибкія шеи и хлопали крыльями, но никто не слышалъ и не видѣлъ ихъ; такъ имъ и пришлось улетѣть ни съ чѣмъ. Высоко-высоко взвились они къ самымъ облакамъ и полетѣли въ большой, темный лѣсъ, что тянулся до самого моря.

Бѣдняжка Элизочка стояла въ крестьянской избѣ и играла зеленымъ листочкомъ,—другихъ игрушекъ у нея не было; она проткнула въ листкѣ дырочку, смотрѣла сквозь нее на солнышко, и ей казалось, что она видитъ ясные глаза своихъ братьевъ; когда же теплые лучи солнышка скользили по ея щекѣ, она вспоминала ихъ нѣжные поцѣлуи.

Дни шли за днями, одинъ какъ другой. Колыхалъ ли вѣтеръ розовые кусты, росшіе возлѣ дома, и шепталъ розамъ:—Есть ли кто-нибудь красивѣе васъ?—розы качали головками и говорили:—Элиза красивѣе. Сидѣла ли въ воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая Библію, а вѣтеръ перерачивалъ листы, говоря книгѣ:—Есть ли кто набожнѣе тебя?—Книга отвѣчала:—Элиза набожнѣе!—И розы, и Библія говорили сущую правду.

Но вотъ Элизѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и ее отправили домой. Увидавъ, какая она хорошенькая, королева разгнѣвалась и возненавидѣла падчерицу. Она съ удовольствіемъ превратила бы и ее въ дикую лебедь, да нельзя было сдѣлать этого сейчасъ же, потому что король хотѣлъ видѣть свою дочь.

Злая королева натерла Элизу сокомъ грецкаго орѣха, такъ что она стала совсѣмъ коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала ея чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отецъ испугался ея и сказалъ, что это не его дочь. Никто не признавалъ ея, кромѣ цѣпной собаки, да ласточекъ, но кто же бы сталъ слушать бѣдныхъ животныхъ!

Заплакала Элиза и подумала о своихъ выгнанныхъ братьяхъ, тайкомъ ушла изъ дворца и цѣлый день брела по полямъ и болотамъ, пробираясь къ лѣсу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но такъ встосковалась по своимъ братьямъ, которые тоже были изгнаны изъ родного дома, что рѣшилась искать ихъ повсюду, пока не найдетъ.

Недолго пробыла она въ лѣсу, какъ уже настала ночь, и Элиза совсѣмъ сбилась съ дороги; тогда она улеглась на мягкій мохъ, прочла молитву на сонъ грядущій и склонила головку на пень. Въ лѣсу стояла тишина, воздухъ былъ такой мягкій, въ травѣ тамъ и сямъ мелькали, точно зеленые огоньки, сотни Ивановыхъ червячковъ, а когда Элиза задѣла рукой за какой-то кустикъ, блестящія насѣкомыя посыпались въ траву звѣзднымъ дождемъ.

Всю ночь снились Элизѣ братья: всѣ они опять были дѣтьми, играли вмѣстѣ, писали грифелями на золотыхъ доскахъ и разсматривали чудеснѣйшую книжку съ картинками, которая стоила полкоролевства. Но писали они на доскахъ не черточки и нулики, какъ бывало прежде,—нѣтъ, они описывали все, что видѣли и пережили. Картины же въ книжкѣ были живыя: птицы распѣвали, а люди выскакивали изъ листовъ и разговаривали съ Элизой и ея братьями; но стоило ей захотѣть перевернуть листъ—они впрыгивали обратно; иначе въ картинкахъ вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видѣть его за густою листвою деревьевъ, но отдѣльные лучи его пробирались между вѣтвями и бѣгали золотыми зайчиками по травѣ; отъ зелени шелъ чудный запахъ, а птички чуть не сажались Элизѣ на плечи. Невдалекѣ слышалось журчаніе источника; оказалось, что тутъ бѣжало нѣсколько большихъ ручьевъ, вливавшихся въ рѣчку съ чуднымъ песчанымъ дномъ. Рѣчка была окружена живой изгородью кустовъ, но въ одномъ мѣстѣ дикіе олени проломали для себя широкій проходъ, и Элиза могла спуститься къ самой водѣ. Вода въ рѣчкѣ была чистая и прозрачная; не шевели вѣтеръ деревьевъ и кустовъ, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на днѣ: такъ ясно они отражались въ зеркалѣ водъ.

Увидавъ въ водѣ свое лицо, Элиза совсѣмъ перепугалась: такое оно было черное и гадкое; но вотъ она зачерпнула горстью воды, потеряла глаза и лобъ, и опять заблестѣла ея бѣлая нѣжная кожа. Тогда Элиза раздѣлась совсѣмъ и вошла въ свѣжую чистую воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по бѣлу свѣту!

Одѣвшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла къ журчащему источнику, напилась воды прямо изъ горсточки и потомъ пошла дальше по лѣсу, сама не зная куда. Она думала о своихъ братьяхъ и надѣялась, что Богъ не покинетъ ея; это Онъ повелѣлъ расти дикимъ лѣснымъ яблокамъ, чтобы напитать ими

голодныхъ; Онъ же указалъ ей одну изъ такихъ яблонь, вѣтви которой гнулись отъ тяжести плодовъ. Утоливъ голодь, Элиза подперла вѣтви палочками и углубилась въ самую чашу лѣса. Тамъ стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждаго сухого листка, попадавшагося ей подъ ноги. Ни единой птички не залетало въ эту глушь, ни единый солнечный лучъ не проскальзывалъ сквозь сплошную чашу вѣтвей. Высокіе стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стѣны; никогда еще Элиза не бывала въ такой глуши.

Ночью стало еще темнѣе; во мху не свѣтилось ни единого свѣтлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдругъ ей показало, что вѣтви надъ ней раздвинулись и на нее глянулъ добрыми очами Самъ Господь Богъ.

Проснувшись утромъ, она и сама не знала, было ли это во снѣ или на яву.

Отправившись дальше, Элиза встрѣтила старушку съ корзиной ягодъ; старушка дала дѣвушкѣ горсточку ягодъ, а Элиза спросила ее, не пробѣжали ли тутъ, по лѣсу, одиннадцать принцевъ.

— Нѣтъ,—сказала старушка;—но вчера я видѣла здѣсь на рѣкѣ одиннадцать лебедей въ золотыхъ коронахъ.

И старушка вывела Элизу къ обрыву, подъ которымъ протекала рѣка. По обоимъ берегамъ росли деревья, простиравшія навстрѣчу другъ другу свои длинныя, густо покрытыя листьями вѣтви. Тѣ изъ деревьевъ, которымъ въ ихъ естественномъ положеніи не удавалось сплести своихъ вѣтвей съ вѣтвями ихъ братьевъ на противоположномъ берегу, такъ вытягивались надъ водой, что корни ихъ вылѣзали изъ земли, и они таки добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла къ устью рѣки, впадавшей въ открытое море.

И вотъ, передъ молодой дѣвушкой открылось чудное безбрежное море, но на всемъ водяномъ пространствѣ не виднѣлось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься въ дальнѣйшій путь. Элиза посмотрѣла на безчисленные валуны, выброшенные на берегъ моремъ: вода отшлифовала ихъ такъ, что они стали совсѣмъ гладкими и круглыми. Всѣ остальные выброшенные моремъ предметы: стекло, желѣзо и камни,—тоже носили слѣды этой шлифовки, а, между тѣмъ, вода была мягче нѣжныхъ рукъ Элизы, и дѣвушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и, наконецъ, шлифуютъ самые твердые

предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вамъ за науку, свѣтлыя, быстрыя волны! Сердце говоритъ мнѣ, что когда-нибудь вы отнесете меня къ моимъ милымъ братьямъ!»

На выброшенныхъ моремъ сухихъ водоросляхъ лежали одиннадцать бѣлыхъ лебединыхъ перьевъ; Элиза собрала и связала ихъ въ пучокъ; на перьяхъ еще блестѣли капли—росы или слезъ, кто знаетъ? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вѣчное разнообразіе; въ нѣсколько часовъ тутъ можно было насмотрѣться больше, чѣмъ въ цѣлый годъ гдѣ-нибудь на берегахъ прѣсныхъ внутреннихъ озеръ. Если на небо надвигалась большая черная туча, и вѣтеръ крѣпчалъ, море какъ будто говорило: «Я тоже могу почернѣть!»—начинало бурлить, волноваться и «выворачивать бѣлки». Если же облака были розоватаго цвѣта, а вѣтеръ спалъ, и море было похоже на лепестокъ розы; иногда становилось оно зеленымъ, иногда бѣлымъ; но какая бы тишь ни стояла въ воздухѣ, и какъ бы спокойно ни было самое море, у берега постоянно было замѣтно легкое волненіе,—вода тихо вздымалась, словно грудь спящаго ребенка.

Когда солнце было близко къ закату, Элиза увидала вереницу летѣвшихъ къ берегу дикихъ лебедей въ золотыхъ коронахъ; всѣхъ лебедей было одиннадцать, и летѣли они одинъ за другимъ, вытянувшись длинною бѣлою лентой. Элиза взобралась на верхъ обрыва и спряталась за кустикъ. Лебеди спустились недалеко отъ нея и захлопали своими большими бѣлыми крыльями.

Въ ту же самую минуту, какъ солнце скрылось подъ водой, опереніе съ лебедей вдругъ спало, и на землѣ очутились одиннадцать красавцевъ-принцевъ, Элизиныхъ братьевъ! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала ихъ, несмотря на то, что они успѣли сильно измѣниться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась въ ихъ объятія, называла ихъ всѣхъ по именамъ, а они-то какъ обрадовались, увидавъ и узнавъ свою сестрицу, которая такъ выросла и похорошѣла. Элиза и ея братья смѣялись и плакали, и скоро узнали другъ отъ друга, какъ дурно поступила съ ними мачеха.

— Мы, братья,—сказалъ самый старшій:—летаемъ въ видѣ дикихъ лебедей весь день, отъ восхода до самаго заката солнечнаго; когда же солнце заходитъ, мы опять принимаемъ человѣческій образъ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны имѣть подъ ногами твердую землю: случись намъ превратиться въ людей во время нашего полета подъ облаками, мы тотчасъ же